

С. А. КИБАЛЬНИК,

ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом),
доктор филологических наук (Санкт-Петербург)

СПОР О БЛАГОДАТИ (РУССКИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ ПРОТИВ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА)

Экзистенциализм в России выразился, как известно², в большей мере в литературе, чем в философии. Особенно отчетливо он проявился у писателей младшего поколения первой русской эмиграции: Г. И. Иванова, В. В. Набокова, Б. Ю. Поплавского, Г. И. Газданова и др.

Романы Гайто Газданова «Пробуждение» (1965) и его предыдущий роман «Пилигримы» (1953–1954) занимают в его творчестве место, аналогичное «Идиоту» и «Братьям Карамазовым» в творчестве Ф. М. Достоевского. «Пробуждение» является чем-то вроде попытки создать образ «положительно прекрасно человека». Именно в необходимости «положительной философии» героиня романа Анна, вызволенная героическим самоотвержением Пьера Форэ из плена безумия, убеждает в романе его друга, журналиста Франсуа. В ответ Франсуа ссылается на одного из самых любимых Газдановым авторов — блаженного Августина³: «Вы должны, мне кажется, и у вас для этого есть все данные, это преодолеть и создать для себя самого какую-то положительную философию, которая была бы важнее, чем эта отрицательная оценка.

— Это мне напоминает спор блаженного Августина с Пелагием о благодати, — сказал Франсуа. — Но Пелагий еретик, как вы знаете»⁴.

¹ См.: Шаблинская О. Николай Петров: «Милиция вытягивается, когда мимо проезжают воруи-олигархи»: интервью // Аргументы и факты. 2006. № 12 (1325). 22 мар. С. 17.

² См.: Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. М., 2001. С. 507–588.

³ См.: Орлова О. Газданов. М., 2003. С. 211.

⁴ Газданов Г. И. Собрание сочинений: в 3 т. / сост. и подг. текста Л. Диенеша, С. С. Никоненко, Ф. Х. Халдоновой; коммент. Л. В. Сыроватко, С. С. Никоненко, Л. Диенеша. М., 1996. Т. II. С. 544.

В этом споре Августин, как поясняют нам авторы комментария к собранию сочинений Газданова, «отстаивал идею необходимости Божественной благодати, которая выводит человека из состояния греховности и тем самым спасает, в то время как Пелагий делал акцент на свободе воли и нравственно-аскетических усилиях самого человека, отрицая наследственную силу первородного греха»⁵. К этому комментарию хотелось бы добавить следующее.

Спор Пелагия с Августином был связан с тем, что учение последнего о непреодолимой Божественной благодати не требует активного участия человека в преодолении своей духовности. Солидаризируясь с подобной критикой Августина, В. С. Соловьев, например, писал, что христианство по существу своему понимает высшую задачу человеческой жизни (то, что теологически называется «спасением») как дело *богочеловеческое*, непременно требующее полноты участия как божественного, так и человеческого начала. Хотя в ереси был уличен именно Пелагий, но Августин, которого, между прочим, некоторые средневековые толкователи упрекали в манихействе, в сущности, тоже не был в этом вопросе выразителем ортодоксально-христианской точки зрения. По авторитетному суждению Соловьева об Августине, в споре своем с Пелагием и его учениками он не был всецело истинным представителем христианского сознания.

Ученики и последователи Пелагия в свою очередь также, по мнению Соловьева, удалялись от ортодоксального христианства, но в другом отношении: «...они забывали, что это формально самостоятельное человеческое начало может иметь положительное содержание и достигать должных результатов не от себя, а лишь через внутреннее и действительное участие человека в существенном

⁵ Газданов Г. И. Указ. соч. Т. II. С. 783.

доброе, всецело содержащемся в Боге»¹. У Соловьева учение Пелагия вызывало следующее ироническое сравнение: согласно ему, Бог представляется «в виде добросовестного, но живущего в другой стране опекуна, который издали заботится о благосостоянии своего питомца, никогда с ним не встречаясь»².

Важно иметь в виду контекст, в котором прозвучали выше приведенные слова газдановского героя. В ходе разговора с Анной и Пьером Франсуа развивает идеал «собственного душевного оазиса», в котором человек огражден, «насколько это возможно, от вмешательства этого государственного аппарата», и своеобразной мизантропии, при которой человек забывает обо всем плохом и помнит только обо всем хорошем. При этом он оговаривается, что сам он таким не создан, в то время как у Пьера «этот оазис существует»³. Возражая ему, Анна говорит: «Допустим, что ваш мрачный взгляд на вещи совершенно оправдан. Но это отрицательное суждение о многих вещах — это только одна часть вашей задачи, вашего назначения на земле»⁴. И именно здесь звучит ремарка о необходимости «положительной философии».

Таким образом, ассоциация со спором Августина с Пелагием возникает у Франсуа по поводу способности человека к преодолению собственной греховности. В реплике Анны: «Вы должны, мне кажется, и у вас есть все данные, это преодолеть и создать для себя какую-то положительную философию...» — ключевые слова: «вы должны...». На самом человеке лежит ответственность борьбы со злом. В ответ Франсуа, хотя и вспоминает, что учение Пелагия было признано ересью, все же соглашается, что «нужно было бы это

преодолеть», однако прибавляет: «Но не все это могут». И наконец в этот спор вступает Пьер, который говорит Франсуа: «Конечно, не все <...>. Но ты, я думаю, — больше, я уверен, — ты это можешь»⁵.

При этом Пьер бросает критическую реплику об Августине: «...он всюду пишет — да, я грешен, но Ты, Господи, Ты знал это — и так далее — так, точно у Господа Бога было только одно занятие — следить за тем, что делает или чего не делает блаженный Августин»⁶. В контексте выше воспроизведенного разговора это аргумент в пользу позиции Пелагия, который критиковал Августина именно за возведение всей ответственности только на Господа. К тому же вся эта дискуссия служит теоретическим базисом для осмысления практического деяния Пьера в частности и реального добра вообще. Принимая это во внимание, а также учитывая, что Франсуа испытывает в конце этого вечера «что-то похожее на начало нового понимания жизни»⁷, верх в романе в конце концов явно берет позиция Пелагия.

В годы после Второй мировой войны русский экзистенциализм у того же Газданова («Призрак Александра Вольфа», 1947–1948), как и западный («Чума» А. Камю, 1947) отказывается от прежней зачарованности смертью и абсурдом. Однако при всей коррекции экзистенциальной философии некоторые из ее положений — начиная хотя бы с понятия, вынесенного в заглавие, — ощущаются в романе Газданова «Пробуждение» как первоначальный каркас. Так, в образе главного героя романа воплощен идеал «индивидуального поступка», характерный, в частности, также для Г. Марселя⁸.

¹ Соловьев В. С. Пелагий // Христианство: энцикл. слов. М., 1995. Т. 2. С. 379–380.

² Там же.

³ Газданов Г. И. Указ. соч. Т. II. С. 543.

⁴ Газданов Г. И. Там же. С. 544.

⁵ Газданов Г. И. Указ. соч. Т. II. С. 544.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ «Ценность, — пишет Эдгар Сотио, комментатор Марселя, — апеллирует к единичному сознанию, включенному в частный поступок; она воплощается в индивидуальном поступке, совершить который надлежит только данной личности — и никакой другой» (*Sottiaux Ed. G. Marcel, philosophe et dramaturge. P., 1956. P. 337*).